

Н и к о л а й   З а й ц е в

ГОРОД

ШАМАНОВ

Николай Зайцев

Город шаманов

Серия «Кровь саама», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Николай Зайцев – писатель-фантаст из Мурманска, автор книг в жанрах исторической и космической фантастики. Популярностью пользуются также его мистические романы из серии «Кровь Саама». Представляем в одну из самых интересных книг этого цикла.

Конец XIX века. Главный герой романа Иван Матвеевич Суздалев попадает в неприятную историю и вынужден стреляться на дуэли. Он остаётся жив, его противник-гвардеец повержен, однако радоваться рано: однополчане убитого готовы выстроиться в очередь, чтобы отомстить за смерть товарища. Пока страсти не улеглись, Иван Матвеевич решает присоединиться к экспедиции на Крайний Север. И вот в Заполярье он сталкивается с явлениями, в которые трудно поверить. Герой буквально оказывается в потустороннем мире, где реалистичные сны из прошлого переплетаются с кошмарными видениями будущего, а бал правят шаман и ведьма. Иван не сразу осознаёт, что покинул привычную ему действительность и теперь он сайвугадче – проводник между мирами. Удастся ли герою вырваться из плена

морока? Достоверные приметы позапрошлого столетия, колорит Заполярья, мистика и юмор, фантастика и подлинный драматизм ситуаций – всё это ждёт читателя в предлагаемой книге.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6	55
Глава 7	69
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Николай Зайцев

Город шаманов

*«Не ходи ты, мой сыночек.
На поля детей лапландских.
Запоеет тебя лапландец,
По уста положит в угли,
В пламя голову и плечи,
В жаркую золу всю руку
На камнях раскаленных».*

(Из древних колыбельных викингов)

Пролог

Ледяной порыв ветра закрутился вихрем и попытался сбить меня с ног. Я стряхнул с лица снежные крошки, и они со звоном стали падать вниз, зависая в воздухе кружевным хороводом. На вельботе, уходящем в море, заметили, что я смотрю в их сторону. Старший команды отдал приказ, и матросы подняли вверх тяжелые от воды весла. Мичман резко вскинул руку в воинском приветствии. С секунду шлюпка покачивалась на волнах в звоне падающих льдинок с лица. Новый порыв ветра согнул меня пополам, а в море едва не перевернул вельбот. Офицер засвистел в свисток, зычно прокричав: «Живо копайся!» И матросы четко заработали вес-

лами, с каждым рывком всё дальше уходя в молочный туман к стоящему на рейде клиперу¹. Никогда не видел зимой незамерзающего берега моря и чтоб вода так парила. Господи, куда же меня занесло? Где причал? Почему кругом одни сугробы снега и льдины больше меня? Я перекрестился деревенеющей от жуткого холода рукой и сквозь завывания ветра услышал голос Прохора:

– Ваше высокоблагородие, поедemте уже. Вот и сани ваши! Замерзнете же. – В голосе слышалась мольба и настоящая тревога. По-другому и быть не могло – дядька заботился обо мне с отрочества – надо бы и ему червонец на водку оставить. Люблю старика, не забыть бы только.

– Не мешай прощаться с удальцами. Лихие черти!

– Истина ваша. За червонец-то, как не стать лихими?! Обобрали, как настоящие лиходеи. Ироды.

– Прохор, – я покачал головой, вечно старик об одном и том же, никакой романтики. – Это же моряки: у них под ногами вода, а у нас суша. У них там киты! Ты вдумайся! Как страшно...

– У нас под ногами снег! Попали в челюсти полюса! – пробормотал дядька и подхватил меня под локоток, не давая упасть с узкой тропинки в сугроб. – Меньше бы вы слушали этих господ офицеров. Знаем мы их морские байки! Плавали.

---

¹ **Клипер** – корабль, имеющий паровой двигатель с развитым парусным вооружением и острыми, «режущими воду» (англ. *clip*) обводами корпуса.

– Плавает знаешь, что?! По морю ходят! Слышали бы тебя моряки.

После корабля и выпитого на нем рома в душевной кают-компании знатно качало.

– А говорят-то как не понятно. Заслушаешься. Прохор, прочувствуй морскую соль в каждом слове, – и я браво крикнул в вихрящуюся снегом стужу, так что неясные тени шахрахнулись: – Канат на шпиль! Пошел шпиль! Фиш заложить! Пошел фиш!

– Иду я, Иван Матвеевич, иду! Ох, и нельзя вам неделями пить! Никак нельзя! Узнала бы маменька.

– Наговор на меня наводишь! – я опустил голову и несколько десятков шагов по тропинке позволил себя вести, пряча лицо в собольем воротнике. Ветер не щадил. Проникал во все открытые места, терзая кожу. Винные пары выходили из организма с каждым выдохом. Голова разрывалась от звона, холода и давления. Где солнце? Что ж так быстро темнеет? Не должно же по времени. Вроде бы недавно сумрак дня царил вокруг. Я же видел шлюпку отчетливо, а сейчас – только Прохора. Я попытался что-нибудь вспомнить о Заполярье и не смог. Страна колдунов и чертей, вот что пришло на ум. Читал фельетон. Смеялся тогда до слез. Теперь не до смеха, сомневаюсь, что в таком холоде черти выживут.

– Долго еще? Куда ты меня ведешь? – спросил я шепотом, стараясь не глотать ледяной воздух. У меня закралось подозрение, что шагаем мы часов пять. Усталость навалилась,

давя на плечи, как после многокилометрового марша, да и потемнело вокруг моментально. Словно кто-то украл день. Кровь стучала в висках и веки никак не хотели открываться, защищая глаза от пронизывающего кинжального ветра.

– Вот же сани, барин! Пришли уже. Тропка вывела. Люди хорошо утоптали. Даже снегом не заносит.

– Утоптанная тропинка? Это же портовой морской город! Могли бы и тротуар сделать. С перилами! Для людей! Не в каменном веке живем.

– Скажите тоже! Тропка есть и то хорошо. Тротуар! Перила. Откуда фантазия такая?

– Какая-то бесконечная тропинка, Прохор! Надолго запомнится. Мы уже в Финляндии? Шучу, не дергайся так. Просто, я устал сильно.

Я запнулся, соскользнул с тропинки и провалился в снег. Нога в сапоге легко ушла по бедро. Прохор засуетился, заохал. Помог выбраться. Я поднял голову и в полуметре от себя увидел морду дьявола. Вытянутый мохнатый череп зверя, хорошенько припорошенный снегом, видимо, тщательно маскировался, скрываясь от путников. Маслины глаз смотрят неподвижно и настороженно поверх наших голов в сторону лавин голубого льда и парящего моря, контролируя уходящий вельбот. Острые пики рогов пронзают свинцовый мрак неба и парализуют волю. Время остановилось. Отмерло с моим выдохом. Зверь забеспокоился: подвижный черный мохнатый нос стал принюхиваться к новым запахам и шум-

но, беспокойно фыркать. Дьявол задышал. Ищет явно меня. Почуял сразу. Тонкие губы поползли, обнажая кривые грязные резцы. Сердце остановилось. Потом облегченно выдохнул. Прямо передо мной стоял олень в упряжке.

– Нельзя неделями пить. Хватит, – проговорил я, прячась от порыва. Ветер выбил слезу, и она замерзла на щеке.

– Вот это правильно, Иван Матвеевич. Очень правильно.

Олень повернул мохнатую морду на голоса. Дыхнул паром. Покосил умными глазами. И содрогнулся. По телу пошла рябь. На шее, на красной витой веревке, замотался колокольчик. Сейчас он не звенел. Тоже замерз, как и всё вокруг.

Да, холод в этой стране адский, да и тишина страшная, но чертей, простите, нет, а в колдунов и в прочую небывальщину – не верю.

Попробуй удивить меня чем-то другим, край света, а то запомню тебя лишь вечной мерзлотой.

Глава 1

– Раз, два, три!

Два выстрела слились в едином грохоте. Я увидел, как пуля рвет натянутую материю простыни и тут же получил удар молота в грудь. Сила выстрела опрокинула меня на спину, не дав полету тела развиваться. Голова с треском ударилась об пол. Свет стал меркнуть и туманиться. Сознание замерцало.

Убит. Не повезло.

Чужие ноги быстро приближались к лицу. Секундант противника и врач наклонились, фиксируя факт. Я уже не чувствовал, как меня трогают. Отхожу. Значит, отплясал своё. Обидно, как и не жил. А какие планы на жизнь имел, куда там Наполеону, думал остепенюсь к тридцати годам и заживу, как человек.

– Убит. Наповал, – сказал молодой прапорщик, и в этом искаженном голосе я четко слышал нотки злорадства, ехидства и восторга. Вот ведь, мерзавец. Пользуется положением и не скрывает своей радости.

– Отнюдь, – доктор рвал на мне рубаху, – знатный синяк. И ребра сломаны. Ишь, как зубами скрежещет, когда трогаю! В беспамятстве что ли? А мы его по щекам! Какие же вы, господа, слабые и нежные пошли – падаете от первой пули! Спасла вот эта вещичка. Вот, где пуля-голубушка завязла. Смотрите, господин прапорщик! – и он завертел в руках за-

писную книжку. Смятый пулей оклад по-прежнему сверкал платиной и серебром, камни переливались, но не все. Сознание, готовое упорхнуть, осталось в теле.

О, господи! Надо вставать!

Сейчас по второму разу стреляться.

– Бесчестье! – вскричал молодой знаменосец, щеки его покрылись румянцем. – Закрылся от пули!

– Тише, господин прапорщик. Простое везенье. Пуля – дура, прилетела куда захотела. Её же никто не выцеливал. На чутье господа стреляли! Искала сердце, нашла книгу. Так. Приходит в себя. Сударь, вы как? Вы меня слышите? Не спешите вставать. Дышать можете?

– Господа! – позвал взволнованный голос человека, скрытого ширмой, через которую недавно стрелялся я. – Скорее сюда!

Я силился приподняться на локте и не смог. Мутило. Голова кружилась. Зрение не могло сфокусироваться. Дыхание затруднено. Прапорщик и доктор стремительно отдалились. Зашли за ширму. Сейчас надо вставать. Приготовиться. Может мне повезло, и во второй раз и я смог зацепить противника? Если будет кровь, то поединок не продолжится.

Появился господин Суслов. Взволнованный и бледный, мой верный друг и мой второй секундант. Черный фрак испачкан на правом плече. Обычное дело. Где он только грязные места находит? Посмотрел в мою сторону и облегченно вздохнул, видя шевеление тела. Не томи, прошу тебя. По-

моги подняться! Хотел сказать в слух, не получилось. Одно мычание, стыдно.

Суслов коротко кивнул мне и стал собирать ширму, открывая панораму. Все наклонились над телом поручика. Он дергал ногами, хватал доктора руками и что-то булькал, забрызгивая всех кровью. Хаотичные движения затихали. Я посмотрел на своего второго секунданта, тот провел у себя по нижней части головы, показывая, куда попала пуля, и поморщился.

Первым над телом поручика распрямился Петр. Посмотрел в мою сторону, слегка наклонил голову, давая понять, что всё кончено.

Вторым распрямился старший секундонт. Поджал губы и под рыдания прапорщика, сказал:

– Поединок прошел по всем правилам. Дворянская честь восстановлена. Господин доктор, окажите свои услуги уцелевшему.

Я откинулся на спину и прикрыл глаза.

* * *

– Дуэль? – переспросил Петр, не меняя положения гордой осанки головы, всё так же продолжая смотреть на площадку лестницы. Я чувствовал волнение друга, меня и самого иногда передергивало, но скрывать истинные эмоции было нелегко. Мы не слышали шагов секундантов – внизу продол-

жал греметь бал, но каждый знал о чужом приближении – никто никогда не затягивал ритуал.

Я так же медленно кивнул.

Показались головы поднимающихся господ, и сразу выросли в объеме фигуры в зеленой военной форме с красными отворотами кителей. Измайловцы.

Всё-таки Петр покачнулся.

– Лейб-гвардия... Ваня... – друг чуть прищурил глаза и медленно допил бокал шампанского. Из-за колонны выскочил расторопный лакей с подносом в руках. Откуда взялся? Никак следить уже направили.

– Она, – так же тихо ответил я и улыбнулся подходящим офицерам, добавляя тихо для друга условия дуэли. – Три шага через простынь.

Петр встрепенулся и посмотрел на меня, теряя над собой контроль:

– Красивой смерти захотел? Быстрой?! А что тогда не сабли?! Это лучшие рубаки в войсках. Быстро разделают тебя под капусту. Хотя шансов у тебя и так нет.

Ответить я не успел. Поморщился. Шанс у меня был только один – это удача выстрела через простынь. Бог за правых! Измайловцы не только были первыми рубаками, но и стрелками тоже никому не уступали. Имперские войска, как-никак.

– Господа, – заговорил статный капитан, сбавляя ход, – позвольте представиться, я старший секундант поручика

Лавлинского, командир роты капитан Бахчинов, и я бы хотел обсудить условия дуэли. Вы, сударь, уже отправили своего поверенного за протоколами?

Я кивнул головой, подтверждая.

– Начнем переговоры, с кем я буду говорить?

– Со мной, – кивнул Петр. – Пройдемте к колоннам.

Они чинно представились друг другу снова, любезно раскланиваясь, расшаркиваясь, и я мог поклясться, что через пару шагов стали друзьями, оживлено обсуждая предстоящий поединок. Напротив меня стоял молодой прапорщик. Знаменосец серьезно хмурился и на меня не смотрел. Видно уже считая живым трупом. Мерзость какая. Я пожал плечами. Отвернулся. Оперся руками о край балкона и посмотрел на крутящиеся в вальсе пары.

А ведь все так и начиналось.

Еще недавно я выискивал взглядом Марию Ефимовну – невесту своего брата, томимый желанием исполнить наказ младшенького. Отдать сборник лучших стихов написанных в три последние ночи. Влюбленным не пришлось увидеться. Молодой мичман ушел в первое своё кругосветное плаванье в полной тоске и печали, вручив мне самое драгоценное – свои стихи в дивной тетради в платиновом окладе, украшенной не одной дюжиной камней и жемчуга. Пришлось навесить портного перед балом и для такой изящной пластины усиливать скрытый карман на груди сюртука, что-то мне подсказывало, что стихи у братца не легче тетради. Не читал, не

имел чести. Не мне написаны, но я редко ошибаюсь. Однако, много ли надо влюблённым?

Вычислил в парах быстро и безошибочно. Дождался паузы. Устремился следом, ликуя про себя, что Марья выходит из залы и удастся увидеться не на людях. Краткого мига хватит, и не нужны мне для этой цели гостевые визиты на дом, где теряешь день времени.

Быстро догнать не получилось: старался не запутаться в чужих пышных юбках бальных платьев и расшаркивался с министерскими, перебрасываясь короткими фразами. Любезность стоила мне времени, и, когда я вошел в длинный полутемный коридор, Марьи уже след простыл. Тени играли на бардового цвета стенах, выдержанных по французской моде. Фикусы в белых кадках шевелили листьями от сквозняка и чужого шепота. Мягкий ковер глушил шаги. Часы с боем громко отсчитывали секунды, и я на миг снова задержался, разглядывая ореховый шкаф и поражаясь чужому мастерству. Английская работа, никак не иначе, что за дивные узоры. Дерево так и играло в бликах свечей. Надо будет про часовщика узнать и заказать такие маменьке.

Ни одного дворового или лакея.

Бал остался за закрытыми дверьми, и заигравшая музыка доносилась глухо. Где же ты, Марья? Я замер у дамской комнаты, прислушиваясь, и нахмурился – шепот мне не показался. Только повел он дальше по коридору, к черной лестнице. Предчувствие меня разволновало. Ускорился и остановился,

как вкопанный, увидев в тени лестницы невесту брата и высоченного поручика. Руки офицера оглаживали бальное платье баронессы, а само лицо находилось в непозволительной близости от глубокого декольте. Усами что ли щекотал? Не видно. Сделал еще два шага и кашлянул. Затеяники встретились. Сладострастный шепот оборвался на томительной ноте, и оба посмотрели на меня с удивлением. Поручик медленно распрямился во весь свой гвардейский рост, плечами закрывая обзор. Брови его поползли вверх, а пышные соломенные усы затопорщились, не предвещая ничего хорошего.

– Шпионите, сударь? – весело спросил статный офицер, трясая курчавым чубом. Рыжий хам. Смеется. Потеха, значит, такая. Уверенный в себе и своей безнаказанности. Я стал снимать перчатку.

Не люблю рыжих. Гвардейцев тоже не люблю.

– Вам здесь не место, Иван Матвеевич! – сказала баронесса, на краткий миг показываясь из-под локтя картинного красавца. Спряталась, тупя глаза. Слово своё сказала. Значимое.

– И вам, Марья Ефимовна, – пробормотал я, и перчатка полетела в поручика.

Глава 2

– Да что ж это такое, господин обер-бергмейстер! – вскричал поражённый в самое сердце местный градоначальник маленького уездного городишки и встряхнул руками мои рекомендации. Согласен с ним – чтиво не из легких. Я поплотнее закутался в соболиный тулуп и постарался поближе придвинуться к камину. Так и не мог отогреться.

Поленья потрескивали, неохотно отдавая тепло.

Градоначальник нервно пыхнул длинной глиняной трубкой, морщась от едкого табака. Выцветшие глаза из-под кустистых седых бровей щупали каждый дюйм моего тела. От меня не ускользнуло, что трубка голландская, а табачок наш, дешевый самосад. Руки старика тряслись. Сожжет же мои рекомендации, подпалит в свече, а других у меня не было. Досадно.

– Батюшка мой, зачем еще и прапорщика зарубили?! Неужто на примирение нельзя было пойти?

– С мерзавцем? Нет, увольте.

– Какой он мерзавец? Молодой! Сынок графский, талантливый художником, пишут, был!

– Что ж тогда в гвардию пошел? Рисовал бы пейзажи. Поля всякие. Цветы. Опушки. Шмелей! – я оживился, потому что очень любил шмелей. Как они гудят! Какие моторы внутри них скрываются! Такую песню часами слушать мож-

но! Старик укоризненно качал головой, словно слышал каждое мое слово. – Этот молодой художник чуть руку мне по плечо не отрубил, – проворчал я, пряча лицо в воротнике. Да, скверно вышло с мальчишкой знаменосцем. Я вытянул ноги к камину. От сапог пошел пар. Неприятная история, из-за которой и пришлось покинуть столицу и рискнуть министерской карьерой. Чуть ли не два подряд труп измайловцев. Одного бы удалось спустить с рук, но двух... Нажил врагов: лейб-гвардия такого не прощает. Да и общество сразу возмутилось, никто не ожидал такой прыти от бывшего майора артиллериста. Не ожидал такого от себя и я.

– Ах, сударь! – старик китайским болванчиком без паузы, качал укоризненно головой.

– Мальчишка обвинил меня в бесчестии и вызвал на дуэль. Я дал ему право выбрать оружие. Благородно с моей стороны? – я разгорячился и рубил кулаком воздух. – Конечно, он выбрал сабли и примиряться не захотел, – я вздохнул, потому что видит Бог, попытался сделать всё, что мог, и уже спокойно закончил. – Не люблю гвардейцев. Все беды от них.

– Кто ж их любит? – хрюкнул старик, пыхнул трубкой и откинулся в кресле. – Скверные дела у вас, обер-бергмейстер². Понимаете ли вы это?

– От чего же не понимаю? Поверьте, не сидел бы здесь, если бы не понимал – общество закрыто, гвардейцы в очереди стоят, желая в меня стрелкнуть или сабелькой рубануть, –

---

² **Обер-бергмейстер** – штаб-офицерский горный чин VII класса.

на меня вдруг нахлынула теплота и я растрогался. – Да, что там! Зовите меня просто, Иваном Матвеевичем, обойдемся без званий. Я хоть к вам и ненадолго, но постараюсь максимально стать полезным другом для вашего города.

– За то спасибо вам, господин любезный. Не хватает кадров. Да какой там у нас город! В Коле с одной стороны море, с другой – гора, с третьей – мох, а с четвертой – ох, – заворчал старик явно местной прибауткой.

Я поморщился.

– Так уж и «ох»? Довелось мне много «охов» повидать. А у вас тут красиво. Тихо. Всегда зима. Бело! Куда ни глянь – снег один, да дома редкие. Чему печалиться? В благодати живете.

Старик махнул рукой.

– Так, городишко! Понимаю, что вы жалеете нас. Спасибо на добром слове, конечно. Но! Есть плюс – закаляет нас север. Тертые мы! Знаете, что про нас говорят? Кто в Коле три года проживет, того в Москве не обманут! Не знаю, почему господа офицера так стремительно бегут от нас и спешат перевестись? Ведь и четыре каменных здания есть, и две церквушки. В деревне столько много домов. Не сосчитать! Если бы не сожгли крепость, стояла бы и дальше Кола неприступным монолитом и оплотом севера, упираясь в северное сияние смотровыми башнями. Намозолили глаза изуверкам.

– Так у вас и общества, и людей нет? – осторожно спросил я. Не хотел я встречаться с обществом и стреляться со всеми

подряд. – Пока ехали, ни одного человека не повстречал.

– Как нет? Зима ведь. Темно. Попрятались. Полярная ночь на дворе, многие местные лопари из веж³ своих не выходят в этот месяц. Но мы не такие. Мы – не дикари! У нас жизнь кипит. В приходе дети учатся. По воскресеньям службы. Бабы рожают. Доктор у нас очень грамотный! Всё как у всех и даже лучше. Численностью населения мы не обделены! Городишко-то уездный! Только одних дворян человек двадцать, мещан двести. Всего душ шестьсот наберется. По весне пересчет будет.

– По весне?

– Истинно так. Зиму переживем и посчитаемся. А вы в артиллерии служили, Иван Матвеевич, как все инженеры?

– В артиллерии.

– В чине?

– Майора.

– И что ж в армии не остались?

– Так нас «майоров» упразднили. Остаться капитаном не пожелал. Не по чести как-то. Был я уже капитаном. А выше звание не предложили. Почему спрашиваете?

– Другим по чести, – протянул старик, попыхивая трубкой. – Для многих «капитан» – венец карьеры. Ничего зазорного. Думаю, о чем вас просить. Пушки мои посмотрите, склад проинспектируете? Дел немного, но внимания требует, не ровен час – шальной англичанин заявится! А уж мы-

---

³ **Вежа** – временное жилище коренного населения севера, шкуры на жердях.

то к вам со всей душой! Ни в чем не откажем!

– Конечно. По мне дело. Хочу остаться у вас до весны, а там по тракту до Кандалакши добраться и уехать к финнам. Желаю присоединиться от нашего министерства к экспедиции Вильгельма Рамзая⁴. У меня приказ прямой. Там полная подготовка идет, хотят исследовать Хибины и тундры Ловозерские. Всех собрали: ботаники, зоологи, картографы, геологи – все научные умы. Грандиозное событие! Там в экспедиции даже фотоаппарат будет!

– Что вы такое говорите?! Фотоаппарат?!

– Масштаб! Чувствуете?

Старик закашлялся. Прослезился. Подергал седую бровь за длинные сизые волосы.

– Все экспедиции через нас проходят. Рамзай ваш тоже не минет этой дороги – одна она. От нас старт на все четыре стороны! Зачем ехать? Можете здесь дожждаться.

Я улыбнулся. Стал расстёгиваться. Блеснула в ворота кителя Анна с мечами⁵. Старик заметил. Подобрел.

– Два года? Провести здесь два года до экспедиции? Никак не могу, – от такой мысли мне даже весело стало. Да я хоть каждый день стреляться готов, лишь бы не жить среди

---

⁴ **Рамзай, Вильгельм (1865–1928)** – финский геолог, первый исследователь Хибинских и Ловозерских тундр.

⁵ **Анна с мечами** – орден четырех степеней, если крест пожалован за военные подвиги, к знаку присоединяются по два меча. Вторая степень носится на ленте, в разрезе ворота. Орден дает статус личного дворянства, а первая степень – потомственное.

олений.

– Есть еще одно обстоятельство, о котором я вас должен предупредить, – сказал градоначальник и нахмурился. Я замер. Не понравилась мне чужая интонация и мимика.

– И какое же?

– Тракт до Кандалакши бывает только зимний и летний. Весной два месяца и осенью три – дороги до Кандалакши нет.

– Как нет дороги? Как же вы живете, отрезанные от мира? Хотя, что я говорю! У вас же море! Сам по нему прибыл! – при этих словах старик устало покачал головой. – А, пароходы? – неуверенно сказал я, глядя на него и прикидывая в уме, что сейчас ехать мне в Кандалакшу никак нельзя – убьют же, как бы не бахвалился, а летом будет слишком поздно. Планы рушились.

– Практически не заходят. Свой собираемся купить. Скоро. Дело прибыльное. Деньги рекой потекут. Не хотите ли в паях поучаствовать? Да вы никак загрузили, сударь? Расстроились? А знаете что, Иван Матвеевич? Есть у меня божественная клюквенная настойка. Отведать не желаете? Прекрасное средство от грусти! Любую печаль растворит. Или можем начать с брусничного ликера. Занятная штука, я вам скажу! Пьётся, как сок! Вы ведь не торопитесь никуда, правда?

– Правда, – сказал я и вздохнул, вспоминая Ольгу и другие обещания.

Я сидел за столом в кабинете, созерцая в руках янтарную жидкость в коньячном бокале, когда услышал приближающийся шум. Нет, такое пить залпом нельзя – французы обидятся. Отставил бокал, и вовремя – двери шумно растворились. Со стены посыпались кусочки побелки. На ходу, снимая с себя зимнюю верхнюю одежду, в кабинет ворвалась метеором Ольга. Глаза метали молнии.

Я невольно залюбовался. Господи, как же мне повезло. Какая красавица. Подпер голову рукой и счастливо заулыбался.

Прохор семенил сзади, принимая вещи и неуверенно бормоча про мою тяжелую болезнь, слабость и недомогание.

– Спит барин. В отъезде он! – твердил верный дядька. – Помилуйте, княгиня, час поздний, что люди подумают. Экипаж у центрального кинули! Маменьку напугали! Клюкой уже об пол стучала. Переживает. Удар схватит.

– Ваня!!! – Ольга вытянула руки вперед для объятий, и я поспешил выскочить из-за стола, чтобы услышать горькие тихие слова в ухо. – Правда ли это?

– Виноват.

– Обо мне ты подумал?

– Виноват.

– Виноват? Что ты заладил?

– Я тебе сразу письмо написал, как только смог сидеть. У доверенного оно, ждет своего часа. Срочные дела пришлось решать, милая моя, всё хорошо.

– Хорошо! Что всё хорошо?! – вскричала Ольга и потащила меня к кожаной софе. Прохор истуканом замер у дверей с охапкой одежды. Зыркнул на него глазами, указывая направление на выход. Дядька, не глядя на меня, проворчал непонятное, больше обращаясь к себе, но с места не сдвинулся. Каков наглец! Оставляю без пенсионера!

– Виноват, – пробормотал я, – всё хорошо разрешилось. – Софа поскрипывала при каждом движении. Ольга вцепилась в мои руки, ловя каждое слово. – Уеду ненадолго из столицы, а там к экспедиции присоединюсь, министерские меня уже определили приказом. Время пройдет, всё забудется. Вернусь героем, но ты не жди меня, Оленька...

– Что значит не жди?! – напряглась княгиня, отшатываясь и спрашивая меня ледяным тоном. Не очень-то любезно с ее стороны. – Уехать из столицы ненадолго – это на сколько? К какой экспедиции тебя присоединили, что ты хочешь вернуться героем – это не на полюс ли к мамонтам?

– Нет. Не на полюс. Не к мамонтам.

– Иван Матвеевич, вы меня не томите.

– Милая моя Ольга, да и мыслей у меня таких не было. Еду к финнам. Экспедиция через два года. Предписали меня к Коле. Временно. Судно мимо проходит, может зайти в залив и меня доставить. Я же баловень судьбы, все за меня

радеют и беспокоятся. Сейчас главное быстрота в принятии решений.

– Так. Я приеду. Где эта Кола? Название точно не французское. Знакомое! Кстати, надеюсь, вы не злоупотребляете коньяком, Иван Матвеевич? Не нравится мне этот сивушный запах от вас. И глаза ваши странно блестят! Что это у вас там на столе?

Я задумался. Почесал нос.

– Нет. Конечно же, нет. Как можно злоупотреблять хорошим французским коньяком? Глаза мои от счастья блестят, вас видя! А Кола где-то под Кандалакшей. Старинный городок. Красивый очень. Крепость там была. Стоит в сопках. Ждет меня.

– Острог что ли? Понятно. Ссылных много? Молчишь – значит чересчур много. Ой, Ваня, лучше бы ты к мамонтам собрался, а не в ссылку.

– Господь с тобой, Ольга. Какая же это ссылка? Я там спокойно гулять буду везде. Никаких ограничений!

– Где же там гулять? По тундре или по острогу? Прости, в Колу я не приеду. Но мы можем встретиться в Кандалакше, поедem к вашим финнам. Крайне ненадолго. Отметимся. Уедem и дальше проживем в Европе. Пару тройку лет. А там я решу вопрос с вашим министерством и участием в экспедиции. В конце концов у папы шахты, а вы горняк, раз уж так, держитесь за своё министерство. По весне всё решим.

– Оленька, – я немного опешил, – как вы не понимаете –

это же дело чести! — я специально сделал ударение на последнем слове. — Какие папенькины шахты? У меня участие в мировой экспедиции. Она принесет много пользы для нашей матушки России. Откроются новые месторождения полезных ископаемых, расширятся познания в картографии, в ботанике, в геологии. Мы исследуем Хибины, тундру. Это огромный шаг вперед в освоении Заполярья. Не за горами дни, когда наступит время колонизации! Вы читали про Дикий Запад? Тоже самое будет с севером нашей империи. Представьте, какая сильная миграция людей возникнет. Появятся поселки, города, карьеры и шахты! Нельзя всю славу отдавать финнам. Моё участие в экспедиции — это участие России в международном проекте. Я вернусь в столицу на крыльях славы, с честью, и, быть может, стану самым молодым генералом в истории невоенного времени. Впереди меня ждет только головокружительная карьера. Понимаете?

— Понимаю, — прозвенел голос сухо и четко, как выстрел. — А я, значит, не дело чести? — гневно спросила Ольга и поджала губы.

Глава 3

Я потянулся в кровати, просыпаясь. Во рту стойко держался вкус брусники. Руки уперлись в синюю раму койки. Глаза смотрели на серебряные шишечки, вспоминая ночь. Увы, не помнил, как после брусничного ликера добрался до постели. Лежу раздетый до нижнего. Тепло. Светло. Хорошо отдохнул и выспался.

В комнате кашлянули. Посмотрел, в дверях стоит верный Прохор с подносом хлеба и стаканом крепкого чая. В сюртучке. Отутюженный, наглаженный. В накрахмаленной белой рубашечке. Причесал седые лохмы свои на пробор. Кра-савец, а не дядька. Женить его что ли? Улыбнулся. В ответ Прохор свел сердито брови.

Вздохнул:

– Только не начинай!

– Барин. Чай.

О, нет. Последняя стадия нелюбви, когда меня дядька «барином» называет.

– Я же просил – не начинай. Можно рассолу? – а вот здесь помягче, без нажима, старик любит обходительность и когда его так ласково просят.

– Рассола нет, – категорично заявил дядька.

– Прохор! – вскричал я, окончательно приходя в себя. – Мне без рассола никак нельзя! У меня же внутри огонь! А я

тебе не дракон, чтобы пламенем дышать!

– Прикажете платить за рассол золотом?

– Это за огурцы то? – опешил я, сбавляя напор.

– За рассол. Сколько будут стоять огурцы мне неведомо!

Север, барин, тут. Забыли, куда приехали? Ничего нет, кроме снега! Злой климат, добрые люди. Есть кислая брусника. Говорят, помогает. Первое лекарство! Она у них от всего. И всегда есть на столе – цинги бояться. Будете?

Я почувствовал в горле бруснику и с трудом сглотнул горечь. Поморщился. Скривился и замахал отрицательно головой.

– Знал, что не будете. Чаю, барин?

– Спасибо, Прохор, не откажусь. И возьми себе двойное жалованье за этот месяц.

– Премного благодарен, Иван Матвеевич, – расцвел дядька, подходя ближе. – Газету? Ей правда неделя сроку. Свежая, говорят.

Я покосился на мятый пожелтевший от жира сверток. Отрицательно покачал головой.

– Не серчай, Прохор. Честно, другую жизнь начинаю.

– Это какую же? Зимняя охота что ли? Знаю. Проходили. Друзья вас приносили с охоты не раз.

– Спортивную. Никакой охоты, Прохор. Клянусь! Только спорт! Без алкоголя. Друзей у меня тоже нет. Только ты!

– О, как!

– Я серьезно! Готовь лыжи!

– Лыжи?! Лыжи? В своем ли вы уме, барин? Там же темно и холодно.

Я мельком глянул в окно. Серый день без солнца. Небо затянуто свинцовыми тучами. Не очень удачный день для новой жизни, но я был полон решимости.

– Сейчас пробегусь на лыжах. Потом плотный завтрак. Затем чтение – приготовь мне журналы на немецком, финском. Фехтование. Обед. Английский, норвежский – без книг, найди мне достойного собеседника. Стрельба. Ужин. На ночь французский роман, теплое молоко с круассанами, письма и вуаля – ранний сон. Завтра дела. Один день проживу, как человек. Расслаблюсь и отдохну.

– Про молоко я узнавал. Тоже нет. Даже за золото. Про круассаны на кухне слышали, но предлагают пироги с палтусом или ватрушки с брусникой. Всё свежее и вкусное. Сам ел и не мог оторваться! Может быть начнете с завтрака? Каша готова. Бесподобная! Пшено с брусникой и пироги с палтусом.

Я прислушался к себе и понял, что кашу сейчас организм не примет. А уж бруснику-то я навсегда запомню! И точно никогда и ни с чем есть не стану.

– Прогулочный костюм и лыжи, Прохор. Новая жизнь не ждет.

Прохор сокрушенно помотал головой.

Уже во дворе, когда я прыгал, разминаясь и громко ухая, пытаюсь хоть как-то согреться, у дядьки моего с ветера-

ном-инвалидом состоялся презанятный разговор. Одетые оба в заячьи тулупы, в натянутые по брови косматые шапки, они как-то сочувственно смотрели в мою сторону и громко шептались. Инвалид курил козью ножку, сплёвывая махорку в снег, а Прохор сердито натирал лыжи, готовя их к пробегу.

– Занятные лыжи, – говорил один.

– Лыжи, как лыжи. Беговые.

– Уж больно узкие. Зачем ломали? Как с таких стрелять-то? Падать будет!

– Ничего не ломали, с Англии заказывали.

– Господи, чудны дела твои. С Англии! У извергов?! Да вон лопарей попросите, они первые лыжники, такие вам лыжи сделают – все завидовать будут. А то уж ваши лыжи смешны больно.

– Не смешные, а беговые.

– От кого бегать?

– Ни от кого, а для чего.

– Ага, – протянул инвалид и затанулся. – А тулуп где? Замерзнет барин. И куда он в ночь собирается? Метель будет. Обрубок, как крутит на погоду! Или охота чудная ждет?

– Не замерзнет.

– Замерзнет, – со знанием дела протянул ветеран. – Без тулупа жизни нет, – и тут же спохватился, – а ружье где?

– Не надо нам ружье!

– Как ни надо! А волки? У подпоручика Хватова дробовик возьми! Чудно стреляет, словно гаубица! Подпоручик

даст! Добрейшей души человек.

Прохор отставил лыжу и недобро посмотрел на собеседника. Расстегнул свой тулуп, стал тыкать кожаной портупеей.

– Смотри! Револьвер с зарядами! Отстреляется барин, случись чего!

– И от медведя? – тут же оживился инвалид. – Или же убежит? На лыжах своих сказочных. Запорхает по воздуху. Только от медведя не убежать. Не слыхал я про такое. Бить его надо рогатиной. Может и гаубица не помочь. Револьвер точно не поможет.

На заднем дворе закукарекал петух. Глухо и нерадостно. В последний раз.

– Да откуда тут медведи зимой! Они же спят.

– Ну, так не все! Вот, окаянный ты! На всё ответ имеешь. Какой-нибудь, да не спит! А знаешь, кто страшней медведя?

– Кто?! – вскричал дядька. Осерчал старик. Меня же чужой разговор забавил. Стал делать круговые движения тазом. У инвалида расширились глаза.

– Росомаха, вестимо кто. Что ж ты не знаешь ничего? Как спрыгнет с дерева на плечи, так головы и нет. Вот тут гаубица бы подпоручика и пригодилась. Они пороховые газы чуют за версту. Понимают! Хитрые твари, и нюх у них очень отменный. Людей на раз едят. А твой барин, чудной. Звери таких любят.

– Плетей захотел?! – не на шутку рассердился Прохор.

– Да я не со зла! Прости, Господи. Неужто инвалида плетьюми?

– За языком следи! Не чудной он, контуженый. На Балканах турок били, досталось.

– Поди ты...

– Прохор, лыжи! Пробегусь верст десять, вернусь огурчиком.

– Иван Матвеевич! Револьвер ваш! В кобуре пирожки с рыбкой жирной! В лес далече не заходите! Тут крутитесь! Что б я видел! Слышали, метель скоро! – Прохор суетился рядом, пока я прикладывал поудобнее портупею на спину и усмехался.

– Барин! Темнеет здесь быстро! Глазом не моргнете! Да еще и метель случится может! – подал голос с крыльца инвалид. – Не стойте под деревьями, берегитесь росомах.

Я махнул им лыжной палкой. Улыбнулся по приветливей, чтоб не выглядеть в конец контуженным и заскользил вперед.

* * *

– Что же вы, Ваня, такой неспортивный у меня, – заливалась звонким смехом Оленька, пытаясь набрать скорость на коньках. Нереальная трудность ей никак не удавалась, потому что приходилось тащить меня под руку. На деревянном помосте весело бухал барабаном оркестр и злил меня еще

больше. Казалось, весь парк смеется надо мной. Но я не терял лицо и улыбался, хоть и продолжал выглядеть коровой на льду.

– Да вы, Оленька, не представляете, как вам с кавалером повезло. Я же в полку по джигитовке⁶ всегда призовые места занимал. Самый, что ни на есть олимпиец! Почти.

– Небось третьи места?

– По рубке, так и вторые!

– Вы бы лучше по конькам вторые места занимали, а то нас даже студенты обгоняют, – смеялась Оленька, и я больше не сердился на барабан и разноцветные флажки, глядя на раскрасневшуюся красавицу. В уме же четко чертилась таблица по пунктам, что надо в первую очередь освоить: коньки, беговые лыжи, теннис. Армия осталась позади, вливаться в новую жизнь придется быстро.

– Через неделю станем крутить пируэты на зависть этим студентам, даю слово чести.

– Ой ли? Ну для начала попробуй догнать меня! Кавалер.

---

⁶ **Джигитовка** – скачка на лошади, во время которой ездок выполняет гимнастические и акробатические трюки, военно-прикладной вид конного спорта.

Глава 4

Катание меня взбодрило. Городок быстро растаял и исчез за спиной. Крепкий наст держал прекрасно не только лыжника, но и оленью упряжку, случайно попавшуюся мне на тракте. Двое лапландцев закутанные в меха долго смотрели в мою сторону, вывернув головы. А я, разозленный таким чужим вниманием, ускорился и попытался их преследовать. Тщетно, конечно. Один из оленеводов взмахнул длинной палкой, и упряжка оленей быстро ушла вперед.

Не все местные жители спят в вежах. Зря градоначальник на них наговаривал. Разъездов же нет никаких, лучше бы об этом думал – ни людей, ни цивилизации. Хотя сейчас меня это только радовало: сказочная тишина накрывала меня порогом таинственности и одиночества.

Я улыбнулся и решил немного покататься со снежных гор. Крутые сопки манили к себе, обещая незабываемые ощущения. Увлёкся. На третьей или пятой улётел кубарем в снег да так, что еле выбрался. Настроение подпортилось. Устал, видно, и потерял координацию движений. Пора возвращаться. Постоял у елей, вытряхивая из себя снег. Проверил револьвер, съел пирожок. Действительно, вкусно. Спасибо тебе, Прохор. Остальные доем дома, темнеет, надо выбираться. Огляделся, просчитывая маршрут. Решил срезать путь через большое озеро, так быстрее. Нечего зря людей

волновать, Прохор, он такой, может и гарнизон поставить. Ему-то что, краснеть потом мне.

Кроме трех белых куропаток, выпорхнувших практически из-под лыж, и заячьих следов, другой живности я не увидел.

На белое полотно озера вылетел пулей, скатываясь с крутого склона и не теряя темпа заскользил вперед, оставляя позади себя редкую поросль карликовых березок и под стать им мелких елок. Небо потемнело, хмурясь сплошными серыми облаками. На открытом пространстве сразу появился колючий ветер, угостивший меня пригоршней льдинок в лицо. Стало холоднее, и чтобы хоть как-то согреться – я ускорился, прикладывая максимальные усилия, стараясь побыстрее покинуть неприятное место. Тело заработало пружиной. Раз, два, раз. Толчок. Еще быстрее! Сажень через сто ритм спал, но не от того, что я сильно устал, а из-за лыж, которые потеряли ход. Скольжение сходило на нет.

Я присмотрелся к деревянным полозьям и увидел странное налипание мокрого снега. Лыжи становились чугунными! Они собирали на себя мокрый снег, превращаясь с каждым шагом в ледяные чушки. Страх сжал душу, стоило оглянуться назад и увидеть свою лыжню. На хорошо проложенных четких линиях появилась характерная желтизна озерной воды. След тянулся за мной давно.

– Стой. Не паникуй, – сказал я вслух своему трепещущему сердцу. Страх начал сжирать мозг, который отказывался по-

нимать, как среди холодной зимы озеро до конца не замерзло. Это же суровый север! Здесь птицы замерзают на лету. Ноги задрожали, останавливаясь, и сразу лыжи стали заливаться водой.

— Мама, — пробормотал я, передергиваясь всем телом и пятясь назад. Однозначно, вперед путь закрыт. Там погибель! Но и назад лыжи не хотели скользить. Значит надо разворачиваться к далекому берегу. Главное двигаться и не стоять на месте.

— Начали! — отдал я команду ногам, и они послушно стали разворачивать лыжи. Лед держал! Может всё получится, зря я паниковал. Да, действительно: у страха глаза велики! Сейчас миную опасное место, обойду стороной и вернусь на свою прежнюю лыжню, а там по следу обратно домой. Пускай длиннее, но безопасней. К ночи вернусь.

Я заулыбался, предвидя волнения Прохора. Знал бы он, какой я страх испытал! Хорошо, что всё получается. Главное, без паники и держать контроль. Я сильный, и должен справиться. Я молодой. Я почти олимпиец.

Правая нога, топя полностью лыжу, ушла в воду по колено.

— Черт! — я испуганно ругнулся, изо всех сил дергая конечностью, заваливаясь кулем на бок. Крепление лыжи не выдержало и отпустило ногу из тисков. Не веря в удачу, я перевернулся на живот и раскинул руки и ноги как можно шире, оценивая ситуацию. Если меня не утащило сразу в во-

ду, значит у меня есть шанс или нет? Сердце бешено колотилось. Свинцовое небо вдавливалось в озеро, но я не тонул и воды подо мной было не много. Надолго ли? Я словно лежал на ней.

— Господи, за что?! Я же жил праведно. Посмотри сейчас на меня. Не дай мне так умереть. Не дай, прошу тебя. Лучше пулю в голову, чем пойти на лыжах кататься и утонуть в озере. Это же не по чести! Меня же Оленька не простит. Она меня ждет. Я жениться на ней обещал. Мне в экспедицию надо! Я не могу сейчас утонуть, никак не могу! Я хочу жить, — последние слова я уже просипел севшим в миг голосом. Зубы застучали от страха, норовя откусить язык.

Пошел снег, и я прикрыл глаза. Услышал меня Господь и дал знак? Сейчас проверю.

Хрипло хохотнул. Теперь-то что делать? Как проверять? Я боялся пошевелиться, но надо с чего-то начинать, и я стал медленно подтягивать левую ногу. Рука дотянулась до крепления, и пальцы ощутили ледяные тесемки, намертво сросшиеся с ботинком. Вода моментально превратилась в лед! Значит, скоро и моя очередь? Если я не утону в воде, я превращусь в ледышку?

Снять лыжу не представлялось возможным. Пальцы быстро деревенели, не добиваясь никакого результата.

Как маменька говорила? Надо видеть во всем положительное? Отлично, теперь у меня появилось надежное грузило.

Надо двигаться. Левая нога осталась согнутой в колене,

а правой я попытался упереться в снег и лед и оттолкнуться. Не получилось. Ботинок ушел в воду. Я замер, позволяя себе только бешено моргать, ожидая дальнейшего краха льда под собой. Долгие секунды ничего не происходило. Значит отталкиваться носком ботинка не получится. Коленями? Я медленно согнул правое колено и почувствовал, как оно ушло в воду. Сердце заколотилось, больше не подчиняясь мне. Под щекой холодным пятном поползла вода, наполняя меня ужасом и паникой. Я не мог ползти! Я не мог двигаться! Я сейчас пойду ко дну! Я сейчас умру. Спокойно, спокойно. Давай без истерик, институтка. Это голос паники. Соберись. Что еще не пробовал использовать? Плечи и локти. Я представил, что вишу на турнике и попробовал подтянуться. Получилось. Сдвинулся. Теперь вперед, подальше от опасного места. На двадцатом подтягивании я тяжело задышал. Воздуха не хватало и мне пришлось сделать вынужденную остановку. В глазах потемнело. Могут быть тут рядом люди? Я закричал. Громко и надрывно. Быстро охрип. Безнадежно. Потом вспомнил про револьвер, кобура на спине не должна намокнуть, но так сильно шевелиться не рискнул, вдруг провалюсь, а это всё-таки последний шанс. Вперед.

После следующих пятидесяти подтягиваний, я понял, что утонуть – это не самый плохой способ смерти. Глаза ничего не видели. Грудь не могла вдохнуть. Носок ботинка по-прежнему не мог упереться и при упоре о лед тонул в воде.

Силы стали медленно уходить. Я чувствовал, как они вы-

текают из тела в стужу. Замерзаю? Как же так? А Оленька? Ради нее я сделал еще пять рывков вперед, помогая себе руками и тяжелой лыжей. С каждым разом толкать ее становилось всё труднее. Еще три ради Прохора. Пауза. Глаза перестали видеть. Сплошной черный круг и какая-то серость по краям. Сколько ни моргал, но зрение вернуть не смог. Надо отдохнуть. Достать револьвер в кобуре на спине. Пришло время. Собираюсь и терплю неудачу: нереально несгибающимися пальцами вытянуть оружие. Кожа кобуры задубела, и замок клапана не открывается. Очередная трудность. Пальцы зубьями граблей царапали спину. Попробую снять портупею. Надо только отдохнуть, ведь я лежу на замке ремня и добраться до него будет непросто. Сначала перерыв. Я ведь заслужил отдых, правда? Я ведь молодец, столько уже прополз и до сих пор не провалился под лед. Тяжелые веки сами собой закрылись.

– Господи, – простонал я, – только не засыпать.

Ради маменьки надо постараться и сделать десять рывков вперед. Десять рывков, ради материнской любви, работая плечами. Ты же боевой офицер, вперед!

Всего десять, и после каждого такого рывка я подолгу замирал, ожидая провала в ледяную воду.

Теперь я себя уже не слышал: ни боли, ни холода, ни бие-ния сердца. Умереть так нелепо и в такой некрасивый неясный день. И где?.. Видно, я действительно сильно провинился перед Богом. Мысль меня беспокоила. Я стал вспоми-

нать все свои грехи, продолжая ползти дальше, и через некоторое время понял, что подо мной снег без воды. Выполз из шуги, сало или снежур, откуда только они взялись и зачем их придумала природа, как насмешку? Над такими, как я? Что ж, весело получилось. Хорошо, что остались позади. Радоваться бы, да не могу. Медленно помахал рукой перед глазами. Ничего не вижу. Зрение не возвращалось. Мокрая шерстяная перчатка превратилась в ледяной корсет, в котором еще шевелились пальцы, но сломать и размять твердую ткань они уже не могли. Еще немного прополз и принялся с правой руки снимать перчатку, активно помогая зубами. Освобожденные пальцы сразу стали стыть на ветру и никак не хотели сжиматься в кулак, сколько я их не разрабатывал. Не теряя напрасно время, приподнялся и потянул портупею, придвигая кобуру ближе к шее. Со второй попытки достал револьвер и взвел курок. Распухший палец с трудом влез в спусковую скобу и, кажется, ломаясь в суставе, нажал на спуск.

Выстрела не произошло. Пружина замерзла? Да, не должна. Я покрутил барабан о плечо. Взвел курок и, вытянув оружие перед собой, помогая второй рукой, надавил на сломанный палец и спуск.

Выстрел прогрохотал в тишине громом.

Я удовлетворенно кивнул. Теперь, пока шевелюсь, надо сделать еще одно дело. Быстро, благо в сознании. Перевернул револьвер и рукояткой стал сбивать лед на креплении

лыжи. Успокоился лишь тогда, когда лыжа спала с ноги. Интересно, вместе с ботинком? Жаль, не вижу. Увлекательные занятия забрали последние силы и украли жажду к жизни, но зато я не чувствовал грузила. Впрочем, как и всё остальное.

Я откинулся на спину. Попытался рассмотреть небо. Черный круг в глазах не уходил. Я чувствовал, как снег падает на лицо и не тает. Вяло потряс рукой, пытаюсь вытряхнуть из ладони револьвер. Не получилось, кажется ствол вмерз в кожу. Поползти? Да. Хорошая мысль. Ноги согнулись в коленях и сделали первый толчок. Тело сдвинулось. Отличное начало. Я решил повторить процедуру, опять сгибая ноги, но распрямить их уже не смог. Колючая снежинка упала в открытый глаз, больно-то как, и веки рефлекторно закрылись. Так стало намного лучше и спокойнее.

– Как глупо то всё, – тихо сказал я Прохору, когда он склонился надо мной, – новая жизнь закончилась одним днем. Правда?

– Да, барин. Замечательно покатались на лыжах, – ответил старик и лизнул меня в щеку.

Глава 5

Треснуло.

Я встрепнулся, приходя в себя, и полный ужаса открыл глаза, ощущая, как медленно погружаюсь в воду. Лед наконец-то проломился, превращаясь в кинжальные осколки края могилы. Не выдержал моего веса и отдал мрачной пучине – тёмно-жёлтая вода накрыла тело и сомкнулась, гася сознание.

Ушел под воду.

Но. Я жив. Почему?

Глаза видели на черном фоне маленький пятачок звездного неба. Подернутая дымкой луна равнодушно взидала на меня строгим ликом. Пятачок приблизился. Круг увеличился. Я смотрел вверх и видел сквозь отверстие дымохода ночное небо.

Ясно. Брежу. Непонятная картинка. Двойственная. Сейчас пройдет.

Я закрыл веки и, прежде чем открыть, осторожно вдохнул в себя, ожидая сто литров ледяной воды, но никак не воздуха. Вместе с кислыми и горькими чужеродными запахами в легкие вошел легкий аромат костра. Открыл глаза и увидел, как дым выходит через отверстие вверх, искажая призрачные звезды. Непроизвольно замычал, оценивая новую обстановку. Из увиденного явно выделялись искривленные

шесты, потемневшие от времени, обмотанные шкурами оленей и какими-то тряпками, отдаленно напоминающие куски брезента. Эта грязная материя и составила картину. Привела меня к мысли, что нахожусь я в юрте или в веже, в зимней времянке кочевников. В очаге тихо потрескивали дрова. Вот что включило моё сознание. Дым не застаивался и не только уходил вверх, но и низко струился к узкой щели у входа.

Тепло, даже жарко. Особенно с правого бока, показалось, что меня придавили мешком, полным угля. Так и сгореть недолго. Надо выбираться из шкур. Я зашевелился, откидывая верх с груди и замер пораженный, созерцая на своем торсе женскую голову с длинными прядями черных волос. Кто-то на мне, уютно устроившись, безмятежно спал, взяв своим телом в плотный капкан. Я увидел матовую кожу шеи, плеч и попытался сглотнуть. В горле запершило и дыхание перехватило, когда я решил представить на себе голую женщину. Тщетные усилия ни к чему не приводили. Фантазия не работала. Я ощущал только жар от чужого тела, но никак ни формы.

Мне даже показалось, что у женщины нет конечностей, пока чужая голая рука медленно не выплыла из-под шкуры. Уверенно не нашла край. И не натянула себе на голову, а заодно и на меня, плохо выделанную оленину. Укрытый по глаза, я похлопал ими, свыкаясь с появившейся темнотой, и усиленно зашевелил носом, стараясь сдвинуть вонючую шкуру. Тщетно.

Сейчас бы кофейку с глазуньей, прожаренной с двух сторон, и тост с вишневым вареньем, да и знакомиться можно будет.

– Прохор, – на всякий случай прохрипел я, предвкушая завтрак. Кто знает? В последнее время я много пил, может и занесло меня на лапландский погост, а там и в вежу, надеюсь, к не совсем старой бойкой знахарке или грудастой травнице. Человек я по натуре любознательный. Всегда любил поговорить про всякие травы и порошки.

На призыв среагировали. Слева зашевелились шкуры, и я искренне удивился очередному соседу: Прохор даже в моем младенчестве спал или в ногах, или на полу. От такой наглости снова перехватило горло и стало трудно дышать.

Я хмурил брови, глядя на шкуры, готовый к легкой брани. Длинная шерсть медленно вздымалась и росла в объеме, увеличивая фигуру до нереальной высоты. А вместе с ней душа моя, напротив, пропорционально уменьшалась в размерах, сжимаясь от нахлынувшего страха. Холодок побежал по телу от подбородка и потерялся в коленях, сводя их в легкую судорогу. Я почувствовал, как волосы на голове зашевелились. Вставали дыбом. Глаза вылезли из орбит, выпуская в себя чужое звездное небо и луну. Мохнатая шкура медленно и осторожно поднялась чуть ли не до потолка. А потом резко дернулась! И ко мне повернулась огромная голова косматого чудовища. Не теряя быстрого темпа, близко наклонилась. Не добро и не зло стала разглядывать раз-

ноцветными глазами. Теперь хищник не торопился. Наслаждался каждым мигот. Медленно поворачивал голову под разными углами, рассматривая мою трепещущую душонку и словно примерялся к предстоящей трапезе. Готовый откусить побольше. Чужой взгляд сверлил и парализовывал душу, выкачивая стойкость и мужество. Огромный черный нос в паре дюймов от моего лица с шумом втянул в себя воздух и, не сдержавшись, громко чихнул, забрызгивая меня соплями и слюнями. Северные животные меня явно не любили. В ужасной разинутой на миг пасти я увидел огромные белые клыки. И уже готов был потерять сознание, как из-под шкур спокойно вынырнула женская рука. Точно нашла звериную морду, цепко сомкнулась на ней и потянула куда-то вниз и в бок от меня, явно не беспокоясь о последствиях. Чудовище послушалось, сократилось в размерах, исчезая из видимости и вновь превращаясь в теплые шкуры. Куда делись исполинские размеры? Бугорки. Сердце заходило от страха.

Эта же рука бесцеремонно потрогала моё лицо, вытерла его мягкой ладошкой, размазывая что-то липкое и неприятное по гусиной небритой коже щек. И снова натянула природное покрывало по самые мои глаза.

Да, да. Спать. Хорошая мысль. Разумная. Всё привиделось: лапландские черноволосые женщины, использующие мою грудь в качестве подушки; матерые волки с годовалого теленка; вежа с кривыми шестью.

Абсолютно ничего не было.

Однако новые запахи никуда не ушли, пока я не упал в бездну лихорадочного сна.

И легко вернулись, стоило мне вынырнуть из небытия. Принюхался. Псиной воняло меньше, но меня не проведешь, я знал, где кроется опасность и был крайне осторожен, стараясь ничем не выдать своего пробуждения. Прислушался к миру, не раскрывая глаз. Стало намного холоднее, и пахло варевом. Сразу сглотнул и, больше не таясь, дернулся.

Должного внимания на меня никто не обратил.

Странно – реакция должна быть сразу. Я ведь проснулся!

В веже, помимо меня, находилось два человека. Один у очага, другой у входа. Каждый по-своему занят. Первый во-зился с мешком из дубленой кожи, развязывал тесемки. Вто-рой, словно только и ждал моего пробуждения, своеобразно затянул песню. Непомерная вибрация каждой ноты была на-столько сильна, что не давала уловить тон. Звук закачался в воздухе вежи, падая вниз и взлетая вверх. Лопарь прикрыл глаза, меняя грудные звуки на горловые, затягивая бесконеч-ное «лы».

Кажется, только один я обеспокоился, готовый как следу-ет испугаться. Девушка у очага спокойно достала из мешка серой муки и бросила в котел, подумав, она добавила в него ягод.

– Только не брусники, – шепотом попросил я, но прось-ба была не услышана – лопарь поднес ко рту щепку и по ве-же звонко разнесся первый удар варганы. Звук накрыл, оглу-

шая. Не успел отойти от него, как лопарь без паузы затянул своё «лы».

Я обреченно откинулся в шкуры. Придется послушать местную музыкальную самодеятельность, тем более деваться всё равно некуда. Я же не в Праге, а люди стараются. Только вместо наслаждения, с каждой новой волной звука и ударом в сознание прочно вселялась неведомая до этого тревога и тоска. Я чувствовал, как она запускает свои холодные и мерзкие щупальца, плотно обволакивая дух и разум. Чтобы отвлечься, посмотрел вверх, в дыру, разглядывая привычное небо. Увидев знакомые звезды, обрадовался и сказал:

– Большая медведица, здравствуй.

– Здравствуй, – раздался голос рядом. Я встрепенулся. Рядом сидела на корточках девушка. Не отвечая на мою улыбку, она поднесла к своим губам длинный половник и медленно попробовала варево. Темные глаза внимательно наблюдали за каждым моим движением. К унылому «лы» добавилось первое слово песни. Кажется, певец торжествовал. Я поморщился. Девушка, сделав свою оценку и не теряя грациозности, вернулась к очагу и заколдовала над котлом.

Была ли дикарка красива? Не знаю. Не уверен. Немного грязной, да. Молодой и сильной женщиной, тоже да. Что-то во мне дернулось – древнее и могучее, захватившее сразу мозг и тело. Ненавидел себя в такие минуты. Всегда взывал к разуму. Призывал к ответственности. К рациональной оценке ситуации. Но вся логика математического мышления ис-

чезала, зачахнув под первобытными инстинктами. Необычная и своеобразная дикая красота впиалась мне в подкорку сознания, запоминаясь навсегда и порождая желание. Частые темные веснушки на коже нисколько не портили лицо девушки, а, наоборот, делали ее только ярче, подчеркивая глаза. Каждое движение тела очень женственное, грациозное и плавное. Величественное! Так держать половник не каждая сможет. Специально что ли для меня старается? Так ведь я уже и так задавлен инстинктами!

А ещё сразу стало понятно, что ценность здесь не я. Надо прояснить ситуацию. Чужая дерзость меня озлила.

Я кивнул, соглашаясь сам с собой, и сказал:

– Меня зовут Иван. Я – штаб-офицер⁷, и меня ищут.

Я бы мог не говорить ничего. Сильно значимые и весьма весомые слова заглушила протяжная древняя песня, и они растворились каждой буквой в дыму костра, поднимаясь к отверстию в конусе вежи. Я их увидел! Белый дым букв медленно растворялся в вытяжке ветра. Вот «а», вот «ш». Последняя исчезла большая «т». Она цеплялась за края дыры углами и никак не хотела вылетать из вежи. Как только тональность немного опустилась и стало тише, я снова попытался заговорить:

– Я хочу одежду, и меня надо как можно скорее доставить в гарнизон или вызвать оттуда подмогу. В городе люди, вой-

---

⁷ **Штаб-офицер** (от нем. *Stabsoffizier*; англ. *Field officer*) – наименование категории старших офицерских чинов в русской армии.

ска и медицина.

В песне появилось новое слово. Злое. Ругательное. Я явно различил его: «юльквик». Девушка, поигрывая резным черпаком, любуясь орнаментом ручки, тихо и зловеще произнесла:

– Шиши⁸, – словно подпела.

Лопарь взял высокую ноту, а потом заиграл на варгане. Я вздохнул, снова опускаясь в шкуры. За наигранным моим спокойствием и безразличием скрывалась настоящая паника, основанная на тревоге. Боевой опыт мне подсказывал, что я в очень непростой ситуации. Пальцы непроизвольно стали сжиматься в кулаки. Чужие слова я четко различил. Дикари шишами называли шайки вооруженных людей. А в данном контексте под этой шайкой подразумевался городской гарнизон, и я еще умудрился признать себя его офицером. Тело мелко затряслось. Но теперь не от страха, а скорее от выброса адреналина. Одним лопарем и девушкой меня точно не испугаешь. Однако дрожь не уходила. Я попытался закутаться в шкуры и прикрыл глаза, наблюдая за врагами в щелочки. Не переставая петь, лопарь взял в одну руку деревянную миску, а в другую большой нож в ножнах и выскользнул из вежи в темноту. Я сразу начал действовать. Попытался сесть, но голова закружилась, и я облокотился о шкуры, быстро говоря:

– Сударыня, призываю вас к вашему дикому разуму. За

---

⁸ Юльквик, шиши – враги, шайки вооруженных людей.

гибель столь доблестного офицера, как я, ваш погост сожгут со всеми оленями, вежами и семьями в них. Одумайтесь. Я вижу, что вы меня понимаете. Здраво оцените ситуацию и помогите мне! Не доводите войска до крайностей! Действовать надо быстро, пока ваш певец не привел подмогу!

Девушка равнодушно посмотрела на меня. Помешала в котле. Сказала:

– Лопарь кормит оленя. Олень кормит лопаря.

– Это замечательно, – согласился я с очевидным. – Если не хочешь мне помочь, а я смотрю, ты хочешь! Хотя бы скажи ему, чтобы перестал петь! Пожалейте мою голову! Она сейчас разорвется!

– Это красивая песня. Твоя. Под нее танцует зима. Ее слышит луна и звезды.

– Её слышу я, и мне становится хуже.

– Сейчас тебе ничто не угрожает. За тобой придут.

– Придут? Правда? А когда?

– Придут. Скоро, – сказала странная девушка. – Но ты не будешь готов. Ты никогда не будешь готов, когда за тобой будут приходить. Вы называете это своим крестом. Таков твой крест.

– Это хорошо, что за мной придут. Очень хорошо, – пробормотал я и снова откинулся в шкуры. На душе стало спокойнее. Значит, всё-таки вызвали подмогу. Пение приблизилось. В вежу ввалился снежный ком. Перед собой лопарь бережно нес миску. Девушка отложила половник и приняла

деревянную чашу. С секунду смотрела в нее, что-то нашептывая, потом осторожно под села ко мне.

– А где ваш волк? – спросил я у неё, стараясь понравиться и загладить вину. Скрытый конфуз меня угнетал. Спросить хозяев про их животное – это точно будет считаться хорошим тоном. Даже у таких дикарей, как эти.

Девушка наклонила голову и внимательно посмотрела на меня. Чаша замерла в ее руках. Лопарь снова заиграл на варгане. И мы долгие секунды смотрели друг на друга, не моргая. Варган закончился. Он запел и стал подыгрывать себе ударами бубна. Интересно, что-то новое. Я хотел приподняться и разглядеть диковинный инструмент, но девушка остановила мой порыв взмахом руки и сказала:

– У нас нет волка.

– Нет волка? – я хмыкнул, потому что знал обратное. Скрывают очевидное. Зачем? Я тоже люблю песиков. В меру, но за ухом всегда потрепать готов. А тут сразу ко мне такое недоверие. Показное, я бы даже сказал. Обиделся и съязвил:

– Может у вас тогда есть гусли, и ты подыграешь своему другу.

– У нас нет гуслей, и это не мой друг, а мой дедушка, – слишком серьёзно ответила девушка и замерла каменным изваянием. Напряглась. Кто меня за язык тянул? Повел себя торговкой.

– Извини, – пробормотал я, стушевавшись. – Шутить я не умел никогда. Сейчас явный пример.

– Извиняю тебя. Ты же не знал. Выпей, – она протянула мне чашу.

– Что это? – я смотрел в миску, где плескалась темное густое вещество. В нос ударил запах крови. Скверно, неужели придется пить?

– Ты знаешь.

– Обязательно надо выпить? – я всё еще надеялся на другой исход.

– Да.

– Понятно, – дикие традиции гостеприимства. Не стану пить – обижу хозяев, которые меня спасли, согрели своим красивым телом и накормили самым вкусным кушаньем – свежую кровью. – А можно я лучше горохового супа поем? Две тарелки, вместо одной тарелки крови? Хороший обмен! Зачтется за уважение? Кстати, как вы меня спасли? Услышали выстрел?

– Услышали, – уклончиво сказала девушка, тупя глаза. Я благосклонно улыбнулся. Люблю скромниц. Что поделать. Опыт подсказывал, что все они сущие дьяволицы.

Я не торопился пить кровь, старался не смотреть в миску с чудным орнаментом по краям и не нюхать. Воротило душу. Кривило. Уже хотелось вывернуться наизнанку. Тянул, как мог, время. Глушил беспокойство в себе. Боролся с резкими спазмами в животе. Миска крови. Боже мой! Подумать только.

Вдруг как раз сейчас подмога нагрянет. Тогда пить ее со-

всем не придется. Где же вы, солдатушки мои, когда так нужны?

– Имя у тебя есть? Меня Иван зовут, – я чуть не добавил Матвеевич, но вовремя остановился. – А тебя как?

– Ты знаешь как. Ты ведь меня уже называл, – девушка слегка побледнела и погладила у себя на груди деревянную фигурку, закрывая ее от моих глаз.

– Тотем? – я кивнул головой, понимая. Догадливый, но не быстрый. Жаль, что не успел разглядеть фигурку.

– Да.

– Хорошее имя. Тотем. Ничем не хуже Ивана.

– Пей.

– Может быть всё-таки суп?

– Пей!

Я вздохнул и поднес миску к губам.

Бубен коротко стукнул и замолчал.

А потом отстукивал, кажется, каждый мой глоток. Точно и правильно. Будто слился со мной. Я выпил всё и протянул миску девушке со странным именем Тотем. Теперь никого не обидел? Только свой желудок? Интересно, я уже считаюсь каннибалом и принят в семью? Если плясать надо, то я пока не смогу. Никак не готов. Хоть вешайте. Откинулся в шкуры. Мягкие и теплые. Пахнут по-другому. Приятно и как-то домашнему. Странные ощущения. Незнакомые.

– Спасибо, – пробормотал я, глядя в дыру в веже. Луна мне подмигнула. Звезды закружили хоровод.

– Не благодари, – сказала девушка и отодвинулась в темноту.

Глава 6

Веки не хотели раскрываться. Испытывали препятствие. Волоски ресниц срослись и теперь противно гнулись, желая преодолеть барьер. Зрачки хаотично бегали под тонкой кожей, мечтая о свете и о картинке виденья. Терпенье на исходе. Кромсает-то как душу! Нет мочи справляться от эмоций и хочется закричать от тоски. Я сделал усилие над собой и напряг веки, пытаюсь их распахнуть. Наконец-то, прорыв!

Ресницы в тонком льду открылись в узкую щель, давая минимум искаженного обзора. Зрачки засуетились, живя своей жизнью: выхватывая из мрака предметы, давая мозгу, как можно больше информации. Темно и очень холодно, но очнулся я явно не от этого. Рядом скрипел снег под осторожными шагами. Невидимый зверь или человек ходил крадучись кругами вокруг моего убежища. Замирал, прислушивался, всячески давая понять, что чувствует меня.

Я затрясся. Проклятый холод выворачивал меня. Тело изгибалось. Позвоночник хрустел столбами. Где я? Что со мной? Образы в голове не задерживались, проносясь в хаотичном порядке: вальсирующие пары, пышные платья, качающаяся кровать с початой бутылкой на столе; опрокинутый стакан, катающийся на гладкой поверхности гранями мутного стекла; беспокойный старик в сюртуке, но больше похожий на лешего; лыжи, смеющаяся счастливая красивая жен-

щина; орден на ленте, сжатый кулаком в белой перчатке; вежа, олень, теплая кровь в деревянной миске, шкуры оленей. Все вокруг закрутилось, набирая скорость, готовое лопнуть и прорваться. Поющий старик и девушка-дикарка у очага. Стоп! Они последние. Но куда делись? Как посмели меня бросить? Я же замерзаю. Коченею!

За стеной вежи зверь шумно вздохнул, принимая решение. Прохрипел что-то невнятное.

Я попытался проморгать веки. Ресницы с треском отрывались, оставаясь в корке льда. Видеть стал лучше. Да, я в веже: дыра в потолке, но от холодного очага дым костра вверх не поднимается. Никого нет.

Зверь слегка надавил на стену и шкуры опасно провисли под тяжестью.

Сейчас пойдет на прорыв.

Я внутренне сжался и машинально поднял правую руку. Почерневшие пальцы сжимали револьвер. Не знаю, чему больше удивился: оружию, кускам плоти на пальцах или покрытому коркой льда лыжному костюму. Шесты с треском начали ломаться, шкуры разлетелись, и в шаткое жилище ввалились несколько заснеженных людей.

– Кажись нашли, – сказал первый, скручивая с лица края башлыка⁹, чуть приоткрывая мохнатую шапку. – Я же гово-

---

⁹ **Башлык** (тур. Başlık – *наголовник*) – суконный остроконечный капюшон, надеваемый в непогоду поверх какого-либо головного убора для предохранения «от холода, дождя и солнечного зноя». Имеет длинные концы-лопасти для обматывания вокруг шеи.

рил – был след.

– Вот ведь Егорка, молодец, знатный следопыт. Опять получит премиальную чарку от благородия. А то и часы!

– Да куда ему часы! Мал еще больно! Он же во времени не разбирается!

– Мне бы часы оченьгодились! Я бы в деревне с часами погулял по центральной! – стал мечтать Егорка. – Я бы их и не заводил. Берег бы!

Я опустил руку с револьвером, устал.

– Живой что ли? – протянул удивленно голос. – Чудеса. Мотай, Егорка, за урядником и скажи каюру, чтобы нарты подогнал.

Я прикрыл глаза. Солдаты, не дожидаясь старшего, расстелили тулуп, уложили и закутали тело.

– Что тут у вас? – урядник начал с того, что кого-то толкнул и на лыжах въехал в развороченную вежу. – Нашли тело бергмейстера? Молодцы! А вежу-то зачем так разворотили, креста на вас нет что ли? Мы же не басурмане. Закоченел? Отмучился, бедолага. Давайте вытаскивайте! Пока не стемнело, надо в город успеть! Заметет же! Живо стараться! Что еще?

– Так ведь, Захарыч, живой он.

– Как живой? – урядник наклонился. Снял варежку и теплой рукой стал щупать пульс на шее, пристально заглядывая в глаза.

– Я и говорю живой, а вы не слышите, – отозвался бойкий

солдат Егорка.

– Да ты, Захарыч, револьвер попробуй у него отними! Мне не дал.

– И мне не дает. Ваше высокоблагородие, слышите меня? Сейчас мы вас погрузим. Олешки быстрые! Домчат и глазом не моргнете!

Я моргать не мог, но шутку оценил.

– Плохо будет, если мы его сейчас потеряем. Возьмем грех на душу. Егорка! Где каюр?

– Господин урядник, погонщик не идет сюда! Из местных же он!

– Как не идет? Что за препоны вы мне тут строите? – удивился урядник, распрямляясь. Его лыжа наехала на мою ногу. Не почувствовал.

– Через слово понятен. Лопочет по-своему. Дрожит сильно. Бойтся. И олени его дрожат. Нервные, того и гляди сорвутся. Когда уже все русский выучат?! Дикари.

– И что он там лопочет? Ты что-нибудь понял?!

– Да, что-то про святилище, которое мы сломали, про духов, которые поклонялись медведям. Говорит, что в северное сияние здесь мертвые в бубны стучат да пляшут. Может в зубы ему дать, а то до сих пор бормочет и не остановится? Слышите, аж завывает! Я хотел сам упряжку подогнать, да он как начал упираться, плачет. Говорит, обратно дорогу теперь не найдем! А как не найдем? Город вон за той грядой сопок. Да и следопыт я в отряде первый.

– Так! Живо к каюру и не дай ему сбежать! Пока мы не подойдем. А то точно дорогу обратно не найдем. Павлов! Хватай тулуп с другой стороны, потащили. А вы двое! Чините вежу и нагоняете нас!

– Захарыч, как же... Да, зачем? Кому она нужна?

– Зачем чинить-то? – поддержал другой солдат. – Мы же православные, что нам их святителища? Нас бубнами, пляшущими девками и чертями не утратить. У нас свой Бог. Верный.

– Да. У нас свой Бог, – урядник покосился на него, перекрестился, вздохнул и добавил:

– И сейчас он нас покинул.

* * *

Зеркальная вспышка ослепила глаза. Заморгал часто, восстанавливая картину. От меня отклонился человек. На голове странное зеркало с дыркой посередине. Глаза смотрят через круглые очки внимательно и осуждающе. Нахмурен. На черный сюртук накинут белый халат.

– Ну-с, голубчик, с возвращением.

Рядом с хмурым мужчиной появился старик градоначальник. Всплеснул руками, говоря:

– Ну, что же вы, Иван Матвеевич! Как же так? Склады мои обещали проинспектировать, пушки посмотреть.

– Так посмотрю, – прошептал я. Горло пересохло. Врач

поднес к губам алюминиевую кружку с теплым отваром, дал напиться.

– Пейте. Это на бруснике. Первое средство. А вы не нервничайте так, Петр Кузьмич. Сядьте. Сейчас я его слушать стану.

– Посмотрит он, – проворчал старик. – Десяток солдат обморозились, пока вас, сударь, искали. Если бы не опытный урядник, никогда бы к городу не вышли и не довели бы вас. Плутали и ходили вокруг города, не видя его. Никак черт заставил кружить! Кстати, двойное чудо! Надо бы молебен заказать.

– Почему двойное? – не удержался я от вопроса, оглядывая серую палату. В углу в печке горят поленья. На плите огромный чайник закипает.

– Первое, что нашли вас. Второе, что довели вас и не померзли дорогой. Молебен! – старик развел руки и пожал плечом.

– Да, лучше бы не довели, – вставил своё веское слово хмурый доктор.

– Да что ж вы такое говорите! – встрепенулся старик.

– А я всегда за правду! Больной должен знать свой диагноз! Чтоб не надеялся ни на что. Дышите, не дышите, – ледяной стробоскоп заскользил по горячей груди. Я смотрел в глаза строгого доктора и ничего в них хорошего для себя не видел.

– Хорошо, – сказал доктор, – хорошо, что вы попали в

мои руки. Дело дрянь, конечно, но, братец мой, знали бы вы, сколько я родов принял! Сколько детишек на ноги поднял! Это при такой-то детской смертности! Это дорогого стоит. Меня еще долго вспоминать будут. Жаль, только вас на ноги не подниму!

– Может не стоит так откровенно? – подал голос старик градоначальник.

– Так вы акушер что ли? – спросил я. – Или детский доктор?

– А, вы, сударь, думаете, что в вашем случае – это имеет значение?! Как вы, кстати, себя чувствуете?

– Думаю, я брежу, – подумав немного ответил я. – Горячка.

Доктор удовлетворенно кивнул.

– Поправляюсь? – предположил я, видя чужое внимание.

– Отнюдь! Сейчас сестра вам капельницу поставит, а пока укол. У вас на сердце были жалобы?

– Нет.

– Какие аллергии помните?

– Никакие.

– Насколько сильный у вас болевой порог?

– Понятия не имею. Картечь, пули – тело ловило. Были в нем и штык, и сабля. Радости никогда при этом не испытывал. Я не понимаю, к чему эти вопросы? – прошептал я слабеющим голосом.

– К тому, батенька, что ножки у вас сильно обморожены и

на ручке появилась гангрена. Резать будем. Спасать вас дальше. Готовы ли вы? Осознаете?

Кажется, я надолго замолчал. Старик пошептался с доктором и стал продвигаться к выходу.

– Я не понял. И ноги, и руку? – спросил я не своим голосом.

– Точно так, – важно кивнул головой доктор. – И даже после такой сложной операции, я вам ничего не обещаю. Уж очень вы слабы.

– Петр Кузьмич...

– Да, голубчик.

– А, нет ли у вас другого доктора? Коновала что ли?

Я мог поклясться, что круглые очки доктора в этот миг мигнули холодными вспышками и на меня с ненавистью посмотрели вертикальные зрачки. Дьявол.

– Куда уж лучше?! – удивился градоначальник. – Один он у нас и за ветеринара так же.

– Понятно. Мне бы в Кандалакшу... По тракту. Куплю оленей и погонщика по тройной цене. Деньги значения не имеют! – я прикрыл глаза и сглотнул.

– Вот как! – сразу оживился старик. Конечно, ему скоро пароход покупать, считает каждую копейку. – Что скажете, доктор?

– Дорогой мой, Петр Кузьмич, вы, как малое дитя, право слово. Чудес нет и их не бывает! Сколько дней мы его искали? Сколько, я спрашиваю? То-то! Посмотрите на него! Сей-

час мы видим агонию! Перед нами тот момент, когда смерть стоит в изголовье больного! Странно, что он вообще говорит разумно.

– Да, я понимаю. Но думаю, раз выжил, несмотря на ваши заверения об обратном, может, дать ему шанс? Всё-таки мы тело искали, а нашли живого человека. Как же теперь?

– Не довезем, Петр Кузьмич, – быстро и авторитетно заявил доктор. – Больше скажу, отвечая на ваш прямой вопрос, медлить нельзя! Надо резать. Теперь он не в руках Бога, а в руках опытного специалиста.

– Еще как можно медлить, – тихо возразил я. – Попробуйте только прикоснитесь ко мне пилой своей адской. Непуганые северные люди! Сразу стреляться начнем без барьера!

– Нечего тут браниться. Не надо мне грозить! Я доктор, пуганный не раз и не два! Однако живой до сих пор, как видите. Да что ж вы так переживаете, голубчик! Я же вам ноги буду резать, а не голову! За вами что, ухаживать некому? Да с вашими деньгами в любой инвалидный дом возьмут, но рано об этом говорить! Не победили мы еще болезнь. Не одолели заразу!

– Рассуждаете, как мещанин, – сказал я и поморщился. – Куда мне без ног?! Несите мне револьвер, сейчас я вашу болезнь разом одолею.

– Бредит что ли? – наклонился к плечу доктора старик. – Может кровь ему пустить надо?

– Может и надо. Непокойным каким стал, – согласился

доктор.

И тут я вспомнил.

– Сделайте милость, господа, дайте мне наган и позовите Прохора.

Доктор снял очки. Протер их белым платком. Посмотрел на старика градоначальника, тот качал головой чему-то своему, отстранённый от мира. Словно вышел в астрал. Доктор прокашлялся деликатно и спросил:

– Сударь, о каком Прохоре вы говорите?

– О моем. О дядьке своем. Старике. О том, с кем я прибыл сюда.

Доктор покарябал щеку. Внимательно посмотрел на меня. Поднял перед лицом моим руку, растопырил пальцы.

– Сколько видите пальцев?

– Два.

– А сейчас?

– Два.

– И сейчас два?

– Конечно. К чему вопросы?

– Ни к чему, сударь. Первый раз я показывал один палец, во-второй раз – четыре, в последний раз ладонь была растопырена, и я показывал все пять пальцев.

– Что это значит? Какое это имеет отношение к Прохору? К моим ногам? К револьверу? К вашей чертовой бруснике?! – утомил меня доктор и сейчас мне хотелось в него несколько раз выстрелить.

– Я бы так не заводился на вашем месте, сударь. Не в том вы состоянии! Перед операцией надо беречься! Дело в том, сударь, что к нам вы прибыли один.

Снова в палате повисла тишина. Это какое-то безумие. Меня залихорадило, и мир завертелся. Я хрипло рассмеялся, сказал:

– Быть такого не может. Неужто я сам чемоданы носил!

– Однако, я говорю вам правду. Я всегда говорю правду. Я – доктор.

– Да идите вы прочь, со своей правдой! Убирайтесь отсюда, господа. Не желаю вас видеть! Стреляться надумаете, так я всегда готов и к вашим услугам – никуда не уйду – знаете, где меня искать.

– Пойдемте, Петр Кузьмич. Больному надо остаться одному, – сказал доктор. – Ему вдруг стало хуже.

– Вы видели? – оживился старик. – Видели? Что это за колдовство? Обезумел? Может связать его? Или батюшку позвать? Лежал пластом, а тут дрыгаться начал! Никак бес вселился!

Господа пошли к выходу, не обращая на меня внимания.

– Может и связать. Батюшка вряд ли поможет. Я знаю, что это. Вашему городу очень повезло иметь такого грамотного многопрофильного доктора, как я. Авторитетно могу заявить, что перед нами яркий пример полярного психоза¹⁰, –

---

¹⁰ **Полярный психоз** – приступ арктической истерии у человека, когда он полностью отключается от внешнего мира, то есть входит в транс.

доктор ткнул пальцем вверх, заостряя внимание градоначальника. – Вам, Петр Кузьмич, не имеющему должного образования и не разбирающемуся в медицинских терминах, должно быть понятнее, если я назову это состояние больного – мерячкой¹¹.

– Мерячка?! Бог ты мой! Откуда?! Ему теперь что, всё мерещится?! – старик встревожился не на шутку и всплеснул руками. Дешевые театралы! Что за пьеса тут разыгрывается с моим участием? А может Оленька приехала и разыгрывает сценарий, а господа ей подыгрывают? Она у меня очень любит литературу и театры и, точно знаю – меценат нескольких. Сговор? Розыгрыш? Но позвольте, ведь со всем неуместная карнавальная шутка! Мне бы сознание своё мутное удержать в себе, не то, чтобы роль играть.

– Точно так. Откуда? Извольте! Достаточно любого полярного сияния, когда происходит видимый аспект магнитного возмущения. Вот и тронулся головкой. Теперь можно ожидать чего угодно. Они же буйные. Если в море, то за борт бросаются. Если на суше, – доктор покосился в мою сторону и примолк на секунду, затем продолжил, – может и на непонятном языке говорить, но это цветочки – феномен изучается. Надумаете спросить у местных саамов¹², так назовут это

---

¹¹ **Меряченье** – феномен, всегда ассоциировавшийся с шаманами и северной магией.

¹² **Саамы (саами)** – коренной народ севера.

эмериком¹³ или легенду расскажут.

– Какую еще легенду?

– Сказку свою. Больно до них они охочи. Никогда не заканчивается.

– Я тоже сказки люблю! – оживился старик. – И чтоб подлиннее была!

– А я нет, – отрезал доктор, – вредны они очень, как и гречневая каша на молоке. Извольте послушать. Для вас краткий пересказ. Под звездой Полярной, есть невидимый для живых людей замок, куда улетают души умерших. Там живут они в печали, а когда наскучит им, то открывают окна! Представляете? Я нет. Это же противоречиво! Какие в замке окна? Там бойницы! Вернемся к сказке. Чудесный свет струится из окон на облака, и те вспыхивают огнями разноцветными, и так появляется северное сияние. Души мертвых зовут к себе души живых, тех самых, что одержимы эмериком. Таких, как мой безнадежный больной, – доктор кивнул на меня головой.

– Страшная сказка! – старик вытер пот со лба. – Как теперь до кабинета дойти? А спать потом? Мертвые живых зовут! Страсти! Голубчик мой, и что люди?

– Люди? Люди идут на зов.

– Батюшки, свет. Страх Господний.

– В принципе, – продолжал вещать доктор, довольный эффектом, – не плохая теория, объясняющая полярный психоз.

---

¹³ Эмерик – короткий зомбированный насыл шамана на человека.

Эти саамы на самом деле бросают свои вежи, оленей и детей и уходят в неизвестном направлении и никогда не возвращаются.

– Так на небо же идут! Вестимо куда! – вскричал старик. – Что за напасть такая?! Уж не заразный ли этот эмерик? А ведь я хотел ему давать револьвер, позволить умереть, как дворянину.

– Как сказать, – доктор улыбнулся с превосходством, – местный фольклор. Эмерик – это обычный шаманский насыл. Как и полярный психоз, он плохо лечится, но со временем проходит сам. Больной ничего не помнит потом. Револьвер давать не надо – постреляет нас. Сейчас санитаров приглашу. Свяжем. Буйного нам только не хватало. А завтра днем резать буду. Чего тянуть?

Двери закрылись, и я прикрыл рот.

Оленька в этой пьесе так на сцену и не вышла.

Глава 7

Полный безразличия, я рассматривал свою перебинтованную правую руку, когда в палате появился радостный и счастливый поручик Лавлинский. Влетел, исторгая запахи пшенки и валерьянки. Одетый в белый халат, он нес перед собой на вытянутых руках пожелтевшие от времени ремни. пышные усы лихо топорщились, открывая белоснежные зубы в приветливой улыбке. Курчавый чуб подрагивал при каждом пружинистом шаге.

Совершенно счастливый идиотский вид. Гвардеец, одним словом.

– Хорошо, что вы пришли, сударь, – кивнул я ему, ничуть не удивляясь. – Сделайте милость, поручик, убейте меня.

Гвардеец перестал улыбаться.

– Я не могу, барин. Это же каторга сразу.

– Полно вам, сударь, а это не каторга? – прошептал я, делая круг рукой. – Тут ананасов нет. Молока – и того нет.

– Молоко есть! – сказал здоровяк и заулыбался. – Оленье. Жирное. Полезное. Хочешь, барин, принесу? У меня все каюки знакомые! И я это. Санитар. Из простых мы, рязанских. Поручиком никогда не стану, – белобрысый детина опечалился ровно на секунду. – Даже если война.

– Печально, – вздохнул я.

– Нисколько! Связать бы вас надо, ваше благородие. Уж

ты не серчай, сердечный, я не со зла. Места на тебе живого нет, но мы уж как-нибудь.

– Постой.

– Да, барин? Молочка?

– А имя-то у тебя есть, санитар?

– А то как же. Имя, оно даже у собаки есть. Или быка, например. Гришкой меня мамка звала, пока в армию не забрали. А тут имен, барин, нет, сам знаешь, одни звания. В армии человеком стал – санитаром, женился. Опять же у спирта служим. Хорошо! – здоровяк подмигнул мне. Утешительно. Подбадривающе. Как человеку без шансов. Я хрипло кашлянул. Запершило в горле. Сглотнул комок.

– Мне бы, Григорий, револьвер.

Санитар замер и перестал прикладывать ремень в пазы кровати. Шмыгнул носом. Утерся грязным рукавом.

– Убийство задумал, барин?

– Можно и так сказать. Поможешь?

– Что ты, барин, меня всё к каторгеводишь. В доктора нашего стрелять удумал?

– Нет. Пускай детишек лечит. В себя.

Гришка покосился на дверь.

– Тут, барин, дело такое двухстороннее, – санитар покрутил большой рукой в воздухе, делая замысловатые пируэты, и поиграл бровями, показывая, насколько всё серьезно. Я знал, что рязанские мужики непростые, ждал продолжения и дождался.

– У меня трое детей, а коровы нет. Дорогая корова, если хорошую покупать.

– Сколько она стоит? – спросил я, подготавливаясь к закланию именина под Воронежем и к долгой переписке с поверенным. Жаль, времени нет.

– Семь рублей! – выдохнул Гришка и облизнулся. – Можно, конечно, за пять купить, но много хуже будет. Понимаю. Деньги большие, но и я каторгой рискую. Так что, барин, думай.

– Семь рублей найду, – заверил я санитар и перешел к самому главному. – А что твои каюки, смогут меня отвезти?

– Куда? – опешил Гришка и присел на кровать. Лицо его заострилось от непростой мысли. Задел я его. – Куда тут ехать, барин? Тундра кругом. От себя же не уедешь. От болезни своей. От смерти.

– Мне в Кандалакшу надо.

Санитар присвистнул. Выдохнул. Стукнул себя по коленке звонко. Хотел заулыбаться, но передумал.

– Далеко. Тяжело. Опасно. Полярная ночь держится. Никто по темноте вечной не поедет.

– Даже за сто рублей?

Гришка облизнулся, что-то взвешивая и сокрушенно-отрицательно замотал головой.

– Нет, барин. Давай я тебя лучше свяжу.

– Погоди.

Санитар замер.

– А, сможет ли твой каюк доставить меня обратно на то место, где меня нашли. Я там стреляться буду, чтоб от тебя подозрение отвести.

– Так тебя нашли в шаманской веже! Это все знают. Туда никто не поедет. Это так же страшно, как в Кандалакшу! Черное место! Злое. Там черти хороводы водят, а медведи берлоги рядом копают. Вежа не жилая давно, а ее местные не убирают и боятся к ней подойти. Хочешь за забор тебя вынесу, как все спать лягут? Быстро околеешь! К утру песцы съедят тело и кости растащат. Все решат, что ты исчез, барин. Как тебе такое волшебство?

– Нет, Григорий. Не хочу. Давай, вяжи меня. Раз тебе сто рублей не нужны и ты не можешь меня от упряжки до вежи дотащить, то вяжи. Я бы тоже чертей испугался.

Санитар задумался. Нахмурился. Закручинился. Завыл тоскливо и отчаянно, раскачиваясь. Поднял курчавый чуб на лоб и резко махнул рукой, соглашаясь:

– Ладно! Жалко тебя, барин, чудной ты слишком. Добрый. Таким бы жить и жить. Непонятно, зачем вас Господь всегда так рано забирает.

– Любит сильно. Не может без нас, – усмехнулся я и погрустнел.

* * *

Григорий рыл яму, отбрасывая в разные стороны большие

комки снега, и бубнил под нос, изредка поворачиваясь ко мне, что в задней части вежи есть еще один вход и мы вползем через него.

– Медвежьим его называют, барин. Церемониальный у них, значит. Понимаешь? Мертвых выносят, а мы с тобой войдем. Я так иногда к местным заползаю. Лопарки меня любят. Понимаешь, барин, большой я для них. Высокий, а мужички у них совсем плохенькие. Еще хуже, чем ты даже. Я до лопарок уж очень охоч. Я потом вход так же закрою, и закопаю, и ты тут лежать будешь хоть все зимы. Спокойное место, хорошее выбрал. Больше тебя ни один следопыт не найдет. А местные сюда никогда не придут. Не переживай!

Я не переживал и почти не слушал санитаря, смотрел в черное небо на звезды, на играющее переливами малинового и зеленого цвета северное сияние. Спокойно-то как. Ветра нет. Григорий сказал, что мороз крепчает, но я не чувствовал холода. Легкий пар выходил из носа. Как же они меня с Прохором так обманули? Где теперь правду найти? Неужто тайком убили старика?

– Живой ещё? – спросил мужик, заглядывая в глаза. – Айда, барин. Готово, – Григорий кивнул мне, схватил за ворот и потащил по снегу в вежу. Там, кряхтя, сунул в руку старенький наган. Я по привычке машинально откинул барабан и увидел в гнездах два патрона. Посмотрел с непониманием на сердобольного мужика, который надолго запомнит эту ночь и потешного барина.

– Два-то зачем? – спросил я, и дыхание перехватил холодный воздух. Надрывно закашлял.

Григорий вскинул брови, дыхнул чесноком.

– Я ж не душегуб. Вдруг патрон первый испорчен.

– Спасибо, братец. Взведи.

Григорий кивнул и взвел курок, выжидающе посмотрел на меня. Громко шмыгнул красным носом, портя торжественный момент.

– Иди, братец. Полежу я ещё.

– Полежи, полежи. Не поминай лихом, барин, – Григорий перекрестился неистово. – Ну? Я пойду?

Кивнул, отпуская. Григорий напоследок перекрестил меня и задом стал выползать. Плотно закрыл за собой шкуры. Копался долго. Потом снег заскрипел под быстро удаляющимися шагами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.